

Гость «ВК»

думал, что им нравятся куплеты; оказалось, они смеялись надо мной.

— Каким же было ваше тогдашнее амплуа? — Совершенно неопределенным. Выражаясь выпендрено, «мои художественные доводы были неубедительны».

— Кстати, вы считаете, что приемная комиссия всегда права? Не может ошибиться?

— Наверное, может. А уж я в те времена был просто убежден, что в отношении меня фатально ошиблись приемные комиссии и в Щукинском училище, и в Школе-студии МХАТ.

— Один известный театральный педагог говорит, что, если бы сейчас к ним пришел поступать 18-летний Хазанов, у него не было бы шансов. У вас, простите, не такая уж героическая внешность, и рост отнюдь не метр девяносто.

— Ну если перечислять все, чего у меня нет, то этот разговор мы вряд ли когда-нибудь закончим.

— И несмотря на ощущение своего несовершенства, вы набрались храбрости писать письма самому Аркадию Райкину?

— Нет, Райкину письма писал Калягин. А я просто пришел к Райкину, и было мне тогда 15 лет. Выбор жанра был определен влиянием его личности.

— Значит, именно его вы считаете своим учителем?

— Учителем с большой буквы. Но таких Учителей — с большой буквы — у меня несколько. Например, мой педагог в эстрадно-цирковом училище Надежда Ивановна Слонова. Она в определенной степени стала оппонентом Райкина. Мне очень повезло: я попал под перекрестное обучение. С одной стороны — Райкин, с другой — Слонова, с третьей — студия «Наш дом», с четвертой — тесное общение с Аркадием Хайтом (это мой Бесков, мой Садырин!), с пятой — Роман Виктюк.

уйти, наконец, от образа студента кулинарного техникума. Сколько было непонимания, недоумения, возмущения, когда я пытался читать совсем иные вещи. Страшные для меня были годы — 77-й, 78-й, 79-й. Но я осознавал: если «ехать» только на студенте и пародиях, то еще через год-два — тупик. Я это понял раньше, чем зрители. И лишь когда родился «Попугай» Аркадия Хайта, лед тронулся.

— Вы, кажется, единственный из эстрадных актеров, кто отказался от имиджа, который всем нравился, и вышел на абсолютно иной уровень?

— Гм... Знаете, я люблю играть в шахматный компьютер. У меня очень простой юниорский компьютер. Но если я достигну такого уровня, что сумею его обыграть, то стану обыгрывать в ста случаях из ста. И тогда зачем мне с ним играть? Какой интерес?

— В какой же момент вы почувствовали себя многоплановым артистом?

— У меня такое свойство: чем дольше работаю, тем больше мне кажется, что я ничего не могу. Когда-то казалось, что могу все, абсолютно все. Давненько это было...

— У кого из нынешних актеров учитесь?

— У многих. И без устали. Например, огромное наслаждение получаю и массу пользы извлекаю, участвуя в спектакле Сергея Юрского «Игроки». Когда он позвал меня, я ни секунды не колебался, даже не зная текста роли. Мне необходимо было «войти в другую воду». Да и то, что работать предстояло с Евстигнеевым, Филатовым, Калягиным, Невинным, очень много значило. Или другой пример. Я был на репетиции пианиста Горовица в зале консерватории. Она дала мне больше, чем просмотр десятков американских фильмов, на которых мне становится скучно в первые четверть часа.

Много дельного вносит в мою работу жизнь. Уходит с годами безаппеляционность. Сценическая безаппеляционность. Или, назовем это бесстыдством. К сожалению, бесстыдство — доминанта огромного числа людей, выходящих на сцену. Я когда-то высказался: мол, в Советском Союзе стать конференсье может любой человек, который способен уговорить очередь пропустить его без очереди. Актерские данные тут ни при чем. Требуется лишь бесстыдство.

— Ваше отношение к тому, как работает на эстраде молодежь, к нынешней молодежной культуре вообще.

— То, что делает сейчас молодежь, это своего рода выброс накопленной энергии. Но когда эта отрицательная энергия определяет суть телевизионных передач, становится тошнотой. С экрана прет агрессия. С экрана на меня кричат.

Как сказал некогда один ценитель Смирнову-Сокольскому после его концерта: «Ваше выступление не понравилось. Не выношу, когда на меня кричат».

— Зато вас зрители очень любят, Геннадий Викторович. Не столько как героя фильма «Маленький гигант большого секса», сколько как большого мастера подлинного искусства.

— Что ж, любовь зрителей дает актеру больше прав.

Популярный актер должен каждым выступлением подтверждать, что он «нравится». Если раз-другой разочаровал, все: популярность уходит. А любимого актера зритель уважает и дает ему право на поиск. Я сказал бы так: любовь перетекает в уважение — прощение.

— Скажите, Геннадий Викторович, что в вашем понимании есть творчество, а что творчеством назвать нельзя? Какого человека можно назвать художником с большой буквы?

— Я уже сказал о Владимире Горовице. Вот действительно гениальный художник. И в этом — все! Если человек нарисовал картину, написал книгу или статью... Скажем, был я в Архангельске, в музее русского зодчества. И там женщина, служительница этого музея, чудная, светлая русская женщина. У нее есть какие-то тайные связи с Богом... Очень часто эту женщину вспоминаю. Она тоже свою коррекцию вносит в мою жизнь. В мою работу.

— В юности, когда вы поступали в театральное училище, вам указывали на дверь. Нет чувства обиды?

— Чего ж обижаться? Приводить примеры, что кого-то в хор не приняли, Шаляпина, кажется?

Интервью взял
Александр КОГАН,
Сергей СОРОКИН.

Геннадий ХАЗАНОВ:

Век. кино. — 1993. — 8 июля. — С. 7

"Я не люблю, когда на меня кричат"

Будущий народный артист Российской Федерации начинал в самодеятельности. Продолжил на профессиональной сцене — пародиями, «кулинарным техникумом». И вырос в многогранный Театр одного актера, и какого великолепного актера! Он и на эстраде король, и он в кино принц Датский, и на сцене Художественного театра в компании мастеров драматического искусства — мастер. Словом, Хазанов не есть просто Хазанов, он с возрастом все сильнее Хазанов.

— Геннадий Викторович, может, обойдемся без диктофона? Один журналистский мэтр говорит: «Когда включаете диктофон, отключаете мозги».

— Это если есть мозги... А вообще-то хотелось бы прочитать в газете свои собственные суждения, а не соображения репортера «по поводу». Так что включайте, включайте! Но мозги не отключайте...

— Начнем с тех дней, когда вы пришли в эстрадную студию МГУ «Наш дом»...

— Туда я явился шестнадцати лет. Зачислили в группу пластических занятий: следовательно, по-другому меня тогда никак нельзя было использовать. Но позже, поступив в Инженерно-строительный институт, я снова пришел в «Наш дом» на конкурс прослушивания. Был прослушан.

— Кем? Марком Розовским?

— Да, и его худсоветом. Они как раз выпускали спектакль «Гра-ля-ля». И взяли меня в свою команду.

— Что читали на прослушивании? Седьмую главу из «Мертвых душ»?

— Н-е-е-т! С этим я покончил на приемных турах в театральные училища! А для «Нашего дома» пел эстрадные куплеты, которые казались мне чрезвычайно смешными и острыми. Речь шла о том, что на балконах висят трусы разного цвета...

— Где вы откопали эти куплеты?

— Откопал в эстрадном репертуарном сборнике. Самое забавное, что Розовский и его команда очень смеялись, когда я это пел. Я-то

— Когда вы стали сотрудничать с Виктюком?

— В начале 80-х. Он совершил поистине профессиональную революцию, изменив способ моего существования на эстраде. Если Райкин научил меня ходить, Слонова — думать при ходьбе, то Виктюк — чувствовать.

— Вы подготовили с Виктюком спектакль «Масенькие трагедии», который, правда, шел недолго и, кажется, не был до конца понят массовым зрителем. Приходили-то люди в расчете на смешное, а там звучало многое довольно грустное.

— Вы правы. Плохо и то, что этот спектакль игрался на сцене Театра эстрады. Закон эстрады вообще и Театра эстрады, в частности, предписывают определенные взаимоотношения актера и зрителя.

У французца Роже Гароди есть книга «Реализм без берегов». Глубоко убежден, что в принципе жанр эстрады — тоже без берегов.

Но зрители имеют право любить такого артиста, какого они хотят видеть. Этого я долго добивался своими пародиями, «кулинарным техникумом». Поэтому претензий к зрителям у меня быть не может. Для многих «Масенькие трагедии» явились сменой платформы актера. А ведь эти трагедии, как теперь выясняется, до определенной степени были предсказанием нынешнего состояния общества.

То был 1987 год. Открылись все шлюзы, со сцены стало можно размахивать Дамокловым мечом. Но именно в тот момент мы решили этого не делать. Вообще актер должен стараться противостоять общему течению. Это трудно, но такую роскошь нужно себе позволять.

Зрители, как и актеры, бывают талантливые, а бывают слабые. Дикую борьбу с ними и самим собой пришлось выдержать, чтобы

Хазанов Геннадий

08.06.93.2.